

ДИЛАН ХАРБИ

ТОЧКА
ТОРМОЖЕНИЯ

Дилан Харби

Точка торможения

<https://litres.ru/74425452>

SelfPub; 2026

Аннотация

Леон Арден знает, где тормозить на скорости триста километров в час. Но он не замечает точку, после которой начинается разрушаться его жизнь.

После аварии команда предлагает простое решение: подписать заявление, переждать скандал и вернуться за руль. В этот же день Леон получает фотографию старой телеметрии. На документе — его подпись и данные, которых он, согласно официальному расследованию, никогда не видел.

Телеметрия относится к гонке, изменившей его карьеру: Томас Вале разбился, механика уволили, а Леон получил контракт. Теперь анонимный свидетель возвращает удалённые факты — по одному.

Чтобы узнать правду, Леон должен восстановить не только события той ночи, но и цепь собственных решений, стоивших ему команды, семьи и самого себя. Возвращение в гоночную машину может оказаться легче, чем честный ответ на единственный вопрос: кто всё это время держал руль?

Содержание

Глава	4
Пролог. 0,18 секунды	5
Глава 1. Белая комната	11
Глава 2. Версия для прессы	20
Глава 3. Круг сорок семь	27
Глава 4. Человек с тростью	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дилан Харби

Точка торможения

Глава

ТОЧКА ТОРМОЖЕНИЯ

Роман

Дилан Харби

Он проиграл главную гонку задолго до старта

Пролог. 0,18 секунды

Леон Арден опоздал на восемнадцать сотых секунды — достаточно мало, чтобы этого не заметил зритель, и достаточно много, чтобы закончилась прежняя жизнь.

На скорости триста двенадцать километров в час восемнадцать сотых — это шестнадцать метров. Примерно длина городского автобуса, поставленного поперёк трассы. Только автобуса там не было. Там был поворот номер семнадцать, чёрная вода за ограждением и красно-белый поребрик, который Леон видел уже одиннадцать лет и ненавидел последние четыре круга.

— Режим шесть. Тормоза минус два. Не преследуй его в семнадцатом, — сказал в наушниках Рубен.

Голос гоночного инженера был спокойным. У инженеров спокойствие измерялось не отсутствием страха, а количеством людей, которые слушали их в прямом эфире.

В двух секундах впереди висел задний фонарь машины Кая Мерсера. Красная точка вздрагивала на прямой, как нервный глаз. За ними шли ещё девятнадцать машин, однако для Леона они уже не существовали. Существовал Мерсер. Существовал последний круг. Существовало пять очков, которых не хватало, чтобы сохранить математический шанс на третий титул.

И существовала одна фраза, сказанная Дорианом Кроф-

том перед стартом:

— Сегодня мы узнаем, ты всё ещё Леон Арден или уже человек, которого раньше так звали.

Крофт умел произносить гадости без нажима. Будто предлагал мятную конфету.

— Принял, — ответил Леон.

Он не принял.

Машина дрожала под ним вся сразу и по частям. Руль толкался в ладони. Ремни вдавливали ключицы в сиденье. Горячий воздух бил в визор запахом резины, электричества и чьего-то масла. В кокпите было пятьдесят восемь градусов, а Леон мёрз. Уже третий месяц он мёрз на торможениях.

Никто об этом не знал.

Он перевёл регулятор баланса на два щелчка назад. На дисплее вспыхнуло жёлтое предупреждение и исчезло. Мерсер закрыл внутреннюю траекторию. Правильно. На его месте Леон сделал бы то же самое, только на полметра позже, чтобы второй пилот успел подумать, что место ещё есть.

— Не атакуй, — повторил Рубен. — Температура задних за пределом.

— Вижу.

Он не видел температуру. Он видел красную точку.

За семь лет в «Vektor» Леон научился отличать хорошие команды от команд, которые спасают начальство. «Не атакуй» означало, что в случае поражения команда сможет сказать: мы предупреждали. «Держи позицию» означало: если

ты всё-таки обгонишь, мы назовём это гениальностью. В автоспорте гениальность часто определяли после финиша.

Мерсер качнул машину вправо, готовя вход. На долю секунды открылось пространство — не место для обгона, а его оптическая иллюзия. Леон узнал её. Такие щели он создавал для новичков, когда хотел, чтобы они сами разбили переднее крыло.

Он снял ногу с газа.

Тело сказала: тормози.

Красная точка впереди стала ярче.

Память сказала другим голосом:

— Ты опять ничего не заметил.

Леон нажал на левую педаль.

Педаль ушла на два миллиметра глубже, чем должна была.

Это могло быть чем угодно: кочкой, температурой, воздухом в системе, усталостью мышцы, воспоминанием. Гонщик его класса не думал словами. Он получал от машины тысячи ощущений в секунду и отвечал движениями, которые появлялись раньше мысли. Но в этот раз мысль успела первой.

Сорок седьмой круг.

Восемь месяцев назад.

Скачок давления в контуре.

Подпись в нижнем правом углу.

Леон добавил усилие. Передние колёса заблокировались. Руль стал лёгким — страшно лёгким, как рука человека, который только что перестал держаться.

— Леон, отпусти тормоз! — крикнул Рубен.

Он отпустил и нажал снова. Машина повернула на несколько градусов, недостаточно. Мерсер мелькнул справа и исчез. Красно-белый поребрик прошёл под днищем с пулемётным грохотом.

Дальше было асфальтовое поле безопасности. Чёрное, блестящее после дневного дождя. Потом барьер.

Леон успел сделать три вещи.

Выключил руки — прижал их к груди, чтобы руль не сломал большие пальцы.

Втянул голову в плечи.

И подумал не об Эве, не о Мие, не о матери, не о Боге, в которого вспоминал верить только перед стартом.

Он подумал: только бы данные сгорели.

На долю секунды мир выключился.

Леон увидел не трассу и не барьер. Томас стоял в гараже в расстёгнутом комбинезоне, молодой, целый, всё ещё уверенный, что старший напарник не позволит ему сесть в неисправную машину. Он улыбнулся той своей глупой открытой улыбкой и сказал:

— Ты знал, Леон. Ты просто не хотел знать.

Это не было видением. Просто мозг, лишённый воздуха, на мгновение перестал защищать хозяина.

Удар пришёл слева. Мир сложился в белую вспышку, будто кто-то захлопнул огромную книгу прямо у него перед лицом.

Машина ударилась о барьер, отлетела, развернулась и ударилась снова. Воздух вышел из лёгких. Визор покрылся пылью. Где-то далеко толпа произнесла единый звук — не крик, а вдох ста тысяч человек.

Потом стало тихо.

Леон открыл глаза.

Левое переднее колесо лежало в пяти метрах от машины. На дуге безопасности мигал огонёк медицинской системы. Двигатель молчал. В наушниках кто-то говорил быстро и неразборчиво.

— Леон? Леон, ответь. Ты меня слышишь?

Он узнал голос Рубена, но не смог сразу вспомнить его имя.

— Слышу.

— Можешь выбраться?

Леон посмотрел на руки. Обе были на месте. Пошевелил пальцами. Правая кисть ответила болью. Он попробовал поднять колено. Нога двинулась.

— Могу.

Это была первая ложь после аварии. Мелкая, почти вежливая: он ещё не знал, может ли выбраться.

Дисплей на руле был разбит. Через трещину пробегали зелёные символы, бессмысленные номера режимов, обрывки температуры. Затем экран погас.

Леон уже потянулся к застёжке ремней, когда дисплей ожил снова.

На нём не было скорости. Не было времени круга. Не было эмблемы команды.

Только три строки белого текста:

КРУГ 47

ТЕЛЕМЕТРИЯ НЕ ЛЖЁТ

ЛЮДИ — ДА

Он смотрел на экран, пока маршалы бежали к машине. Потом моргнул, и надпись исчезла.

— Что ты сказал? — спросил Рубен.

Леон не помнил, что говорил вслух.

— Ничего.

Это была вторая ложь.

Она далась легче.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЖЁЛТЫЙ ФЛАГ

Глава 1. Белая комната

В больнице всё было белым, кроме новостей. Телевизор показал аварию сорок один раз. К двадцатому Леон заметил, что Мерсер оставил больше места, чем казалось из кокпита. К сорок первому придумал три версии, в каждой из которых авария была неизбежна.

Врач по имени доктор Беран вошла без стука. У неё были серебряные волосы, тонкие очки и выражение женщины, которая много лет наблюдала, как знаменитые мужчины торгуются с рентгеновскими снимками.

— Хорошая новость, — сказала она. — Позвоночник цел. Внутреннего кровотечения нет. Перелом запястья стабильный.

— А плохая?

— Вы всё ещё задаёте этот вопрос так, будто хорошая новость была авансом.

Она подошла к телевизору и выключила его.

— Сотрясение. Ушиб рёбер. Несколько недель без нагрузок. Никаких симуляторов, перелётов и интервью хотя бы десять дней.

— Через двенадцать дней Гран-при Кастилии.

— Как удачно, что календарь чемпионата не является органом вашего тела.

— Я выступал с двумя треснувшими рёбрами в Сузане.

— Да. Вы упоминали. Дважды мне и пять раз медсестре. Леон посмотрел на часы. Эва обещала приехать к одиннадцати. Было одиннадцать двадцать.

— Когда меня выпишут?

— Завтра, если сегодняшняя томография будет чистой. И если вы перестанете отвечать «нормально» на вопросы о боли.

— Нормально.

Доктор Беран сняла очки.

— Господин Арден, боль не ведёт переговоры с вашим агентом. Сколько из десяти?

— Четыре.

— Было восемь, когда вы думали, что я не смотрю.

— Тогда зачем спрашивать?

Она улыбнулась — впервые.

— Чтобы понять, вы врёте только другим или уже экономите время.

Дверь открылась. Леон повернул голову слишком быстро, и комната качнулась.

Вошла Эва.

На ней было серое пальто, которое он подарил ей два Рождества назад, после того как забыл приехать на само Рождество. Эва однажды сказала, что это очень красивое пальто и очень плохое извинение. Он решил, что она шутит.

Теперь в одной руке у неё была сумка Мии с нарисованным космосом, в другой — прозрачный пластиковый пакет

с вещами Леона.

— Я оставлю вас, — сказала доктор Беран. — Не больше пятнадцати минут.

— Нам хватит, — сказала Эва.

Врач вышла.

Эва поставила пакет на стул. Внутри лежали обрезанный врачами комбинезон, часы, бумажник, обгоревшая перчатка и цепочка с маленькой золотой восьмёркой. Леон носил её со второго чемпионского сезона. Восемь побед. Тогда это казалось числом судьбы. Потом побед стало больше, а цепочка осталась, потому что суеверие, пережившее успех, называли традицией.

— Где Мия?

— У моей матери.

— Она видела аварию?

— Все видели аварию.

— Я спрашиваю про Мию.

— А я отвечаю про мир, в котором она живёт.

Эва села. Между ними оставалось полтора метра линолеума. Восемь лет брака, подумал Леон, и вот их точная длина.

— Мне жаль, — сказал он.

— Что именно?

Он знал этот вопрос. Эва задавала его последние полгода. Обычно он отвечал: «Всего этого». Раньше она спорила. Потом перестала.

— Что ты испугалась.

— Я испугалась.

— Что Мия испугалась.

— Она тоже.

— Что я... — Он показал забинтованной рукой на кровать. — Устроил это.

Эва посмотрела на него внимательно. Не зло. Злость была бы хорошим знаком: она означала, что разговор ещё что-то может изменить.

— Ты думаешь, я пришла говорить об аварии?

— Мы в больнице, Эва.

— Ты и дома разговаривал так, будто находишься на пресс-конференции.

Она открыла сумку Мии и достала ключи. Положила на тумбочку связку: ключ от дома, чёрный брелок сигнализации, медную монету из Монцы.

— Я забрала последние вещи.

— Какие последние?

— Мои.

— Мы договорились сделать паузу.

— Нет. Ты назвал это паузой. Я сказала, что уйду.

— На неделю.

— На два месяца, Леон.

Он хотел возразить и вдруг понял, что не знает, когда именно Эва перестала жить дома. Она снимала фильм в Канаде, потом работала в Париже, потом забрала Мию к матери «до конца сезона». В доме всё ещё стояли её книги. В

ванной оставался крем. В гардеробной висели платья. Леон видел вещи и считал, что видит жену.

— Ты могла выбрать другое время.

— Я выбрала другое время. Два месяца назад.

— Сейчас меня выбрасывают из чемпионата.

— Вот поэтому ты наконец заметил.

Слова ударили точнее барьера. Леон отвёл взгляд. На экране погашенного телевизора отражались двое людей: женщина на стуле и мужчина в кровати, уменьшенные чёрным стеклом.

— Контракт не расторгнут.

— Я ничего не говорила о контракте.

— Ты сказала, меня выбрасывают.

— Это сказал ты.

Он почувствовал знакомое раздражение. Эва умела оставлять его один на один с собственными словами. Раньше это восхищало. Потом стало похоже на саботаж.

— Ты пришла сообщить, что бросаешь меня после аварии. Хорошо. Я понял.

— Нет, — сказала она. — Ты снова понял версию, в которой тебе удобнее меня ненавидеть.

— Я тебя не ненавижу.

— Пока нет. Но к вечеру придумаешь причину.

Эва встала. Леон увидел, как она сжала ремень сумки. Значит, ей всё-таки тяжело. Эта мысль принесла ему почти физическое облегчение.

— Почему? — спросил он.

Она остановилась.

— Я ушла не тогда, когда ты начал проигрывать. Не из-за заголовков, не из-за денег и не потому, что в прошлом году ты спал с той женщиной из отдела партнёрств.

Леон закрыл глаза.

— Это было один раз.

— Видишь? Ты даже сейчас защищаешь количество.

— Я признался.

— После того как я показала тебе фотографию.

— И мы решили двигаться дальше.

— Ты решил. Я пыталась.

В коридоре звякнула тележка. Кто-то рассмеялся, потом закашлялся. Больница продолжала работать с оскорбительной деловитостью.

— Тогда почему? — повторил Леон.

Эва долго смотрела на него.

— Потому что рядом с тобой я перестала доверять собственной памяти.

Он нахмурился.

— Что это вообще значит?

— Это значит: я слышу, как ты обещаешь Мие приехать на спектакль. Потом ты не приезжаешь. Потом говоришь, что ничего не обещал. Я нахожу сообщение. Ты говоришь, что имел в виду другой спектакль. Я показываю дату. Ты объясняешь, почему я не понимаю, какое давление на тебя ока-

зывала команда. Через двадцать минут мы обсуждаем уже не твоё обещание, а мою неспособность поддержать тебя перед решающей гонкой.

— В тот день изменили программу тренировок.

Эва коротко кивнула.

— Вот. Это происходит быстрее, чем ты тормозишь.

— Ты сводишь восемь лет к одному школьному спектаклю.

— Нет. Ты сводишь один нарушенный поступок к восьми годам любви, чтобы его нельзя было рассмотреть.

Леон почувствовал, как пульсирует правая кисть под гипсом.

— Я только что чуть не умер.

— Я знаю.

— И ты читаешь мне обвинение.

— Я возвращаю ключи.

Она наклонилась и легко коснулась губами его лба. Леон уловил запах шампуня и холодного воздуха с улицы. Поцелуй был тёплым. От этого стало хуже.

— Мия придёт завтра, если врач разрешит, — сказала Эва. — Не заставляй её утешать тебя.

— Я никогда...

Эва подняла ладонь.

Он замолчал.

Она вышла. Дверь закрылась мягко, как дверь хорошего автомобиля.

Леон взял телефон и открыл имя Мии. Нажал вызов, но сбросил его раньше первого гудка. В чате написал: **Привет, маленькая. Я в порядке.** Посмотрел на слова и удалил, не отправив. Первое было слишком мало. Второе — неправда.

Он закрыл лицо здоровой рукой. Слёз не было. Только пустая белая комната и голос, который неожиданно прозвучал вслух:

— Я не знаю, кто я теперь.

Леон посмотрел на ключи. Потом на чёрный экран телевизора. Потом на пакет с обгоревшей перчаткой.

Телефон лежал на зарядке у окна. На нём было сто восемьдесят три уведомления. Сообщения от пилотов, артистов, двух министров, людей, с которыми он пил один раз и которые теперь называли его братом. Вверху висело сообщение от Дориана Крофта:

НЕ ОБЩАЙСЯ С ПРЕССОЙ. НЕ ОБСУЖДАЙ ТОРМОЗА. БУДУ В 14:00.

Ниже пришло письмо без имени отправителя.

В теме было написано:

ТЫ ВИДЕЛ ЭТО РАНЬШЕ.

Леон открыл письмо. Внутри не было текста — только фотография листа телеметрии. Синие и зелёные линии, цифры, временные метки.

В правом верхнем углу: **КРУГ 47.**

В нижнем: его электронная подпись.

Он увеличил изображение двумя пальцами.

Документ относился не к вчерашней гонке.

К машине Томаса Вале.

Леон удалил письмо.

Через секунду удалил его из корзины.

Потом положил телефон экраном вниз и впервые за шесть часов попросил обезболивающее.

Глава 2. Версия для прессы

Дориан Крофт пришёл в два часа ровно, неся корзину фруктов, которую наверняка выбрала помощница, и выражение лица человека, которому пришлось отменить более важную катастрофу.

Ему было пятьдесят семь. Он носил тёмные костюмы без галстука и седину человека, никогда не сомневавшегося в цене парикмахера. За двадцать лет Крофт превратил «Vektor» из команды, продававшей собственные трофеи, в корпорацию, продававшую ощущение победы людям, которые утром стояли в пробках.

— Выглядишь отвратительно, — сказал он.

— Корзина поможет.

— Она не тебе. Мне сказали, пресса фотографирует всё, что сюда заносят.

Крофт поставил фрукты на стол и осмотрел палату. Его взгляд задержался на ключах Эвы, но он ничего не спросил.

— Как голова?

— На месте.

— Это расположение, не состояние.

— Врачи выпишут завтра.

— Врачи всегда говорят «завтра», пока юристы не объяснят им значение слова «ответственность».

Он снял пиджак, аккуратно повесил на спинку стула и

сел. Леон видел его таким после побед, поражений, пожаров, протестов и одной драки в моторхоуме. Крофт никогда не садился, пока не понимал, какую роль играет мебель.

— Официальная версия простая, — сказал он. — Пыль на внешней траектории, нестабильная температура задних, потеря сцепления. Ты следовал инструкциям команды. Возможную неисправность изучаем.

— Передние заблокировались первыми.

— Это внутренние данные.

— На повторе видно.

— На повторе видно дым. Дым — демократичен. Каждый видит в нём то, что хочет.

— Мерсер скажет, что я полез в закрытую дверь.

— Мерсер скажет то, что позволит ему ещё сутки быть интересным.

Крофт достал планшет и положил на одеяло. На экране было подготовленное заявление.

Несмотря на прямую угрозу здоровью, Леон Арден сохранял контроль над автомобилем до последнего момента...

— Я не сохранял контроль.

— Именно поэтому фраза полезна.

Леон пролистал текст. «Неожиданное изменение сцепления». «Безупречная работа медицинской службы». «Благодарность миллионам болельщиков». Всё было аккуратно, гладко и не содержало события, которое действительно про-

изошло.

— Контракт? — спросил он.

Крофт соединил пальцы.

— Совет соберётся в четверг.

— Я спрашиваю тебя.

— А я пытаюсь дать ответ, который переживёт четверг.

— Вы меня снимаете?

— Ты сам себя снял со скоростью сто восемьдесят семь километров в час.

— На Кастилию я буду готов.

— Ты не слушал Рубена.

— Я слушал. Просто решил, что ты важнее него. Ошибся.

Крофт замедлился. Не замолчал — это было бы слишком заметно. Просто поставил планшет на тумбочку точнее, чем требовалось, и только потом поднял глаза.

— Нет. — Крофт произнёс это почти ласково. — Ты боролся с одним предложением, которое я сказал перед стартом. Не надо делать меня настолько важным, Леон. Мне неловко.

Леон откинулся на подушку. Рёбра отозвались тупой болью.

— Значит, всё? Семь лет, два титула, сорок одна победа — и всё из-за одной ошибки?

— Прекрати считать трофеи, когда речь идёт о доверии. Это разные валюты.

— От тебя звучит смешно.

— Разумеется. Я специалист.

Крофт встал и подошёл к окну. Внизу, у служебного въезда, дежурили репортёры. Объективы смотрели на двери больницы, как пушки маленькой, но дисциплинированной армии.

— Совет боится не аварии, — сказал он. — Авария продаёт форму, подписки и документальный сериал. Совет боится повторяемости.

Леон промолчал.

— За последние девять гонок ты четырежды не выполнил инструкцию, — продолжил Крофт. — Дважды обвинил настройки, которые сам выбрал. В Монреале публично назвал стратегию «лотереей для людей с калькуляторами». В Сузanne не пришёл на разбор. Вчера перед стартом отказался проходить дополнительную проверку тормозов.

— Проверка заняла бы двадцать минут. Я стартовал бы с пит-лейн.

— Да.

— Датчики давали норму.

Крофт повернулся от окна.

— Какие датчики?

Вопрос прозвучал тихо. Слишком тихо.

Леон пожал плечами и сразу пожалел: боль прошла от ключицы до затылка.

— Общая диагностика.

— Ты сказал «датчики». Множественное число.

— Потому что в машине их больше одного.

Они смотрели друг на друга. Крофт первым улыбнулся.

— Сотрясение не отняло у тебя чувство юмора. Спонсоры будут рады.

Он вернулся к кровати и взял планшет.

— Есть ещё одна проблема. После аварии в систему телеметрии вошли под старым сервисным ключом.

— Чьим?

— Ники Роу.

Леон заставил лицо остаться неподвижным.

— Её ключ отключили год назад.

— Должны были.

— Что скачали?

— Пока не знаем.

— Полиция?

— Если позвать полицию, придётся объяснить, какие данные мы защищаем. Я предпочитаю сначала узнать ответ.

Крофт приблизился. От него пахло кедром и больничным антисептиком.

— Она связывалась с тобой?

— Нет.

Третья ложь после аварии. Или четвёртая, если считать врача.

— Уверен?

— Я лежу здесь без сознания половину суток, Дориан.

— Без сознания ты был семь минут. Остальное время

очень активно находился при нём.

Леон протянул руку к воде. Стакан дрогнул. Крофт заметил, но не помог.

— Она ничего не присылала.

— Хорошо.

Слово прозвучало как печать на документе.

— Что вы сделали с Никой? — спросил Леон.

— Выплатили компенсацию.

— Я не о деньгах.

— Тогда формулируй точнее.

— Где она?

— Не знаю.

— Ты всегда знаешь.

— Поэтому мне особенно неприятно.

Крофт надел пиджак.

— Подпиши заявление. Сегодня вечером запишем короткое видео. Завтра тебя выпишут через задний вход. Через неделю объявим, что ты пропускаешь Кастилию по медицинским показаниям. Через две — решим, как вернуть тебя в машину.

— А если не подпишу?

— Тогда сегодня вечером в прессе появится версия, в которой ты проигнорировал прямой приказ инженера и едва не убил Мерсера.

— Это шантаж.

— Нет. Шантажисты требуют то, что им не принадлежит.

Я предлагаю тебе выбрать одну из двух правд, обе из которых уже куплены нашей командой.

Крофт взялся за ручку двери.

— И ещё, Леон. Если Ника выйдет на связь, не пытайся быть умнее. Твои лучшие импровизации всегда происходили на скорости. В комнате ты всего лишь мужчина, который врёт чуть быстрее остальных.

После его ухода Леон открыл письмо в папке удалённых.

Фотография телеметрии всё ещё была там.

Он увеличил нижний край документа. Рядом с электронной подписью Леона стояла временная метка: **23:14:06**.

Леон помнил эту ночь.

Помнил комнату инженеров. Холодный кофе. Красные глаза Ники. Как она сказала: «Я не подпишу». Как Дориан закрыл дверь.

Не помнил только одного.

Откуда у отправителя взялась версия документа с рукописной пометкой, которую Леон сделал до аварии Томаса:

Если повторится — снять обе машины.

Эта копия должна была быть уничтожена.

Глава 3. Круг сорок семь

Томас Вале разбился в воскресенье, но история началась в пятницу вечером, когда все ещё были хорошими людьми.

Так Леон вспоминал тот уик-энд: до определённого часа никто не был виноват. Потом виноватыми стали все, просто в разной степени и в разные дни.

Трасса «Сан-Лоренцо» лежала между морем и горами. Днём ветер тащил с воды соль, ночью с гор спускался холод. Инженеры ненавидели это место: настройки, найденные утром, к вечеру становились письмом из другой климатической зоны. Пилоты любили его ровно по той же причине.

На сорок седьмом круге пятничной симуляции Леон почувствовал провал педали перед девятым поворотом.

Не отказ. Не потерю тормозов. Всего лишь короткую мягкость в начале хода — словно под подошву попала сложенная бумажка.

— Что-то с давлением, — сказал он по радио.

— Видим краткий скачок в заднем контуре, — ответила Ника. — Снизь темп. Заезжай.

— Педаль вернулась.

— Заезжай, Леон.

— У меня ещё один быстрый.

— Отмени круг.

Тогда её голос казался ему раздражающим. Теперь он по-

нимал почему: она не просила.

Он проехал ещё один круг. Педаль работала идеально. На следующем тоже. Лучшее время сессии принесло ему заголовок, а команде — уверенность, что неприятное ощущение можно передать ночной смене.

В комнате разбора Ника вывела график на стену. Ей было двадцать восемь, она носила волосы коротко и говорила о миллисекундах так, будто каждая была свидетелем под присягой.

— Здесь, — сказала она.

На графике зелёная линия на мгновение провалилась, синяя подпрыгнула.

— Контур прокачали дважды, — сказала Ника. — Воздуха нет. На машине Томаса чисто, но блоки одной партии. Я хочу разобрать оба.

— И стартовать с пит-лейн из-за одного сигнала?

— Стартовать с тормозами.

— Педаль стала нормальной.

— Стала. Потом. Это не одно и то же.

Производитель требовал полной замены только при повторном сигнале. Повтора не было. Леон ухватился за эту формулировку так, будто правило описывало безопасность, а не минимальную юридическую обязанность.

— Ты когда-нибудь управляла этой машиной?

— Нет.

— Я управляю ей одиннадцать лет.

— Этой машине одиннадцать недель.

Кто-то у стены подавил смешок. Леон повернул голову. Молодой механик сразу уткнулся в ноутбук. Лица Леон не запомнил. Только пальцы на клавиатуре: на четырёх костяшках — чёрные квадраты, пятый оставлен пустым.

Он запомнил жар в груди. Не гнев даже — унижение. Самое опасное чувство для человека, которого миллионы считают неуязвимым.

— Разбирайте после гонки, — сказал Леон. — Я подписываю допуск.

— Допуск подписывают технические службы, — ответила Ника.

— Тогда зачем я здесь?

— Чтобы сообщить ощущение, а не отменить его статусом.

Дориан закрыл обсуждение. Ника отказалась подписывать обычный допуск. Леон сказал, что подпишет сам, и добавит условие: **Если повторится — снять обе машины.**

Он не спросил, безопасно ли ждать повторения.

В кабинете Крофта не было окон. На стене висели фотографии чемпионов «Vektor», и каждый смотрел так, будто лично одобрял следующий компромисс.

— Она права? — спросил Дориан.

— Она осторожничает.

— Это не ответ.

— Данных недостаточно.

— Это её ответ.

— Педаль была нормальной.

— В воскресенье у нас первый ряд. Совет директоров здесь. Новый титульный партнёр здесь. Если мы вскрыем блок, ты стартуешь последним. Если не вскрыем и что-то произойдёт, я буду объяснять, почему доверился гонщику, который не окончил инженерный колледж.

— Ты доверял мне два титула.

— Я доверял тебе чувствовать машину. Не переписывать физику.

Леон сел напротив.

— Чего ты хочешь?

— Хочу понять, уверен ли ты.

— Уверен.

Он произнёс это сразу. Почти не солгал: в ту секунду Леон действительно почувствовал уверенность. Она появилась не из фактов. Она появилась из необходимости что-то ответить.

Крофт долго смотрел на него, затем кивнул.

— Хорошо. Тогда это будет твоим решением.

Позже Леон много раз вспоминал эту фразу как ловушку. Так было удобнее. Но Крофт не держал его руку, когда в 23:14 Леон поставил электронную подпись. Не заставлял добавить от руки: «Если повторится — снять обе машины». И не заставлял на следующее утро согласиться, что отсутствие повтора означает отсутствие проблемы.

В воскресенье на двадцать девятом круге машина Томаса

вошла в девятый поворот со скоростью двести сорок.

Леон увидел аварию на большом экране.

Сначала болид Томаса неестественно выпрямился. Потом пересёк гравий. Ударился о барьер носом, развернулся и сложился правым боком. Камера потеряла его в облаке пыли.

— Красный флаг, красный флаг, — сказал Рубен.

Леон замедлился. Мимо проехали маршалы. Над трассой зажглись красные панели.

— Томас отвечает?

Молчание длилось две секунды.

— Пока нет информации.

— Это тормоза?

Ещё одна пауза.

— Нет информации, Леон.

На прямой он увидел обломки. Среди них лежала правая перчатка Томаса. Потом выяснилось, что это был кусок защиты кокпита. Память всё равно оставила перчатку.

Гонку остановили на сорок минут. Томаса увезли вертолётom. Леон остался в машине. Механики поставили вентилятор перед воздухозаборником, укрыли шины чехлами, подали бутылку через трубку. Дориан наклонился к кокпиту.

— Предварительно — прокол переднего левого, — сказал он.

— Я спросил про тормоза.

— Давление в норме до потери сигнала.

— У меня тоже было в норме.

Крофт заглянул ему в глаза.

— Сейчас не время.

— А когда?

— После финиша.

— Если он жив.

Лицо Дориана изменилось. На секунду в нём появился обычный испуганный человек. Потом руководитель команды вернулся.

— Именно поэтому ты сейчас не скажешь ни слова по радио.

Гонку возобновили.

Леон выиграл.

На подиуме он не брызгал шампанским. Комментаторы назвали это достоинством. В закрытом парке он спросил о Томасе. Ему ответили: операция, травма таза, повреждение нерва, прогноз неизвестен.

Через два часа началось первое внутреннее расследование.

Через четыре Ника показала тот же график сорок седьмого круга.

Через пять Дориан спросил Леона, замечал ли он раньше какие-либо отклонения тормозной системы.

Леон посмотрел на Нику.

Она была бледной, не спала двое суток и всё ещё верила, что вопрос задан ради ответа.

— Нет, — сказал он.

Одно короткое слово.

В нём не было мотива, теории, детства или давления чемпионата. Только человек, вопрос и ответ.

Ника моргнула.

— Что?

Дориан повернулся к ней.

— Госпожа Роу, не перебивайте.

— Он сообщил скачок в пятницу. Это есть на радио.

— Я сообщил ощущение, — сказал Леон. — Диагностика его не подтвердила.

— Ты подписал условный допуск.

— Потому что ты настаивала.

— Я настаивала снять обе машины!

— У вас есть копия подписанного документа? — спросил Дориан.

Ника открыла папку. Несколько секунд перебирала файлы. Потом ещё раз. Условный допуск исчез из системы. На его месте лежала стандартная форма проверки, подписанная Малькольмом.

— Он был здесь, — сказала она.

Леон смотрел на стол.

— Госпожа Роу, — произнёс Крофт, — вы обвиняете чемпиона мира и технического директора в подмене данных?

— Я говорю, что файл был здесь.

— Это не одно и то же.

— Леон видел график.

Она повернулась к нему. В её лице было не требование спасти работу. Просьба спасти реальность.

Леон поднял глаза.

— Я видел краткий некорректный сигнал, — сказал он.
— Ты назвала его безопасным после калибровки.

Это была уже не одна ложь. Это была конструкция. У неё появились стены, крыша и место для других людей.

Нику отстранили тем же вечером.

Через неделю команда объявила, что причиной аварии Томаса стала комбинация прокола и ошибки пилота.

Через месяц Леон получил новый контракт.

Через восемь месяцев он лежал в белой комнате и смотрел на фотографию документа, который должен был исчезнуть.

Телефон завибрировал.

Новое письмо. Тот же пустой адрес.

У ТЕБЯ 21 ДЕНЬ.

Ниже был указан адрес реабилитационного центра Томаса.

Леон перечитал письмо трижды. Потом позвонил своему агенту, отменил вечернее видео для прессы и впервые за семь лет не объяснил почему.

Глава 4. Человек с тростью

На следующий день Леона выписали через прачечную.

Так это назвала больница. На деле прачечная оказалась бетонным коридором, где пахло паром, порошком и варёной капустой. Чемпион мира шёл между тележками с простынями в тёмных очках, кепке медицинского фонда и с гипсом до середины предплечья. Его сопровождали агент, охранник и санитарка, которая не узнала его и дважды попросила не мешать персоналу.

У служебного выхода ждал чёрный автомобиль. Агент Леона, Феликс Дан, открыл заднюю дверь.

— Домой?

— В «Сент-Винсент».

Феликс замер.

— Реабилитационный центр?

— Я знаю, что это.

— Дориан просил тебя ни с кем не встречаться.

— Поэтому я сказал тебе, а не Дориану.

— Там Томас.

— И это я знаю.

Феликс закрыл дверь, обошёл автомобиль и сел рядом. Он был маленьким энергичным человеком лет сорока, одевался как студент художественной школы и зарабатывал столько, сколько обычно зарабатывают люди, которым платят за спо-

койствие других.

— Ты хочешь извиниться? — спросил он, когда машина тронулась.

— Хочу поговорить.

— Это два разных события. Первое можно подготовить.

— Поэтому я выбрал второе.

— Нельзя просто явиться к человеку после такого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.